

М.В. Осипова*

ЭКСПЕДИЦИИ В.К. АРСЕНЬЕВА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНУЮ АЗИЮ В КАЧЕСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЧИНОВНИКА

Деятельность знаменитого исследователя и путешественника В.К. Арсеньева в качестве представителя органов государственной власти, немало сделавшего для восстановления и организации рыболовства, охотничьего дела, а также морского зверобойного промысла в дальневосточном регионе, по-прежнему остается малоизученной. В статье рассматриваются экспедиции В.К. Арсеньева в качестве государственного чиновника в низовья Амура, на Камчатку и Командорские острова, а также дается оценка сделанных по их итогам рекомендаций, которые легли в основу организации и упорядочивании работы в важнейших отраслях народного хозяйства дальневосточного региона в 1920-е гг.

Ключевые слова: В.К. Арсеньев, государственная служба, Дальний Восток, Камчатка, Командорские острова

Vladimir Arseniev's expeditions to Northeast Asia as a government official. MARINA V. OSIPOVA (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences)

The work of the famous explorer and traveler Vladimir Arseniev as a representative of state authorities, who did a lot to restore and organize fishing, hunting, as well as sea fur hunting in the Russian Far East, still remains little studied. The author describes the expeditions of Arseniev as a government official to the lower reaches of the Amur, to Kamchatka and the Commander Islands, as well as assesses the resulting recommendations he made, which later formed the basis for organizing and streamlining work in the most important sectors of the economy of the Soviet Far East in the 1920s.

Keywords: Vladimir Arseniev, public service, Russian Far East, Kamchatka, Commander Islands

Имя В.К. Арсеньева известно широкой общественности благодаря его исследованиям территорий нынешних Приморского и Хабаровского краев и проживающих на них народов. Не обойдена вниманием его писательская деятельность. В.К. Арсеньевым было написано и опубликовано более 60 работ этнографического, архео-

логического и публицистического характера. Снятый японским режиссером Акира Куросава по мотивам произведений исследователя фильм «Дерсу Узала» получил всемирное признание и был удостоен десяти международных премий, включая премию «Оскар». Высокую оценку современников получила работа В.К. Арсеньева

* ОСИПОВА Марина Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН.

E-mail: ainu07@mail.ru

© Осипова М.В., 2023

в области организации музейного дела. Он сам писал об этом следующее: «С 1910 по 1918 г. состоял директором Хабаровского Краевого Музея, производя громадную работу по разборке коллекций из складов и по приведению их в порядок» (Архив Хабаровского краеведческого музея, далее – АХКМ. Ф. ХКМ. Оп. 1. Д. 502. Л. 1). Собранные им артефакты материальной и духовной культуры коренных народов Приамурья, Приморья и Камчатки хранятся и экспонируются в ведущих музеях страны. Так, в трех коллекциях Музея антропологии и этнографии РАН (№ 1917, 2252, 2373) насчитывается 94 единицы хранения из собрания В.К. Арсеньева. В записанных им фольклорных текстах орочей, удэгейцев, коряков можно почерпнуть сведения о традиционной культуре этих народов в период ее бытования.

Немалое место в жизни В.К. Арсеньева занимала просветительская и преподавательская деятельность. Он читал лекции рабочим в Доме знания и свободы, студентам Педагогического института им. Ушинского и Владивостокского народного университета, преподавал в Хабаровском народном университете и Хабаровском педагогическом техникуме. В биографической справке только полстраницы занимает перечисление членства в различных географических, исторических, антропологических, орнитологических обществах и обществах ориенталистики, включая иностранные (АХКМ. Ф. ХКМ. Оп. 1. Д. 502. Л. 1, 4). При этом до сих пор менее известной и обсуждаемой остается его деятельность в качестве чиновника – представителя органов власти, немало сделавшего для восстановления и организации рыболовства, охотничьего дела, а также морского зверобойного промысла в дальневосточном регионе.

Авторы научных статей и научно-популярных публикаций свое внимание в связи с его деятельностью в качестве назначенного государством чиновника, как правило, концентрировали на каком-то одном вопросе. Одни упоминали о ней как о факте биографии (А.И. Тарасова [11], А.А. Хисамутдинов [16; 17], Н.А. Троицкая [13]), другие освещали его работу по организации или охотничьего, или рыболовного, или морского зверобойного промыслов на определенной территории Дальнего Востока (А.Б. Ермолин [5], А.С. Николаев [8]), третьи исследовали проблему комплексного развития региона и, в частности, Уссурийского края или Командорских островов (П.Я. Бакла-

нов, А.В. Мошков [4], Н.А. Татаренкова [12]). Данная статья освещает результаты всех его экспедиций в Северо-Восточную Азию в период с 1918 по 1923 гг. и сделанные по их результатам выводы, многие из которых легли в основу принятия решений в области народного хозяйства.

Свершившаяся в 1917 г. в стране Февральская революция изменила жизнь не только в центре, но и на окраинах, к которым относился и Дальний Восток, включавший огромную территорию (всего свыше 3 млн. кв. км). Управление здесь по-прежнему осуществлялось ведомствами, учрежденными царским правительством. К ним относились казенные и акцизные палаты, имущественное, горное, водное и другие управления. Для наблюдения за их деятельностью Временным правительством были назначены комиссары, в чье ведение входило осуществление руководства территориями, недопущение беспорядков на местах, наблюдение и регулирование деятельности общественных органов самоуправления. В марте 1917 г. комиссаром Временного правительства по делам Дальнего Востока был назначен депутат IV-й Государственной Думы А.Н. Русанов, которому нужны были надежные помощники в организации работы на местах [15, с. 7; 13, с. 67]. В ряду тех, кто мог оказать существенную помощь, был В.К. Арсеньев. По роду своих занятий он как никто другой был осведомлен о жизни инородцев края и их проблемах. Это и стало сферой его деятельности после единогласного избрания на пост комиссара по инородческим делам делегатами Первого областного съезда представителей местного самоуправления (апрель 1917 г.). Сам же В.К. Арсеньев писал: «...После государственного переворота принял должность Комиссара по делам туземных народностей Приамурского края» (АХКМ. Ф. ХКМ. Оп. 1. Д. 502. Л. 3). При этом он оставался директором Хабаровского музея.

В.К. Арсеньев с присущей ему ответственностью отнесся к порученному делу. На организованном им совещании был утвержден план работы на два года и инструкции по работе на местах. Самым сложным вопросом на тот момент был вопрос рыболовства и рыбопромышленности края. Здесь сходились интересы коренных народов, пришлого населения, предпринимателей, включая иностранных, и государства. Скупавшие за бесценнок или за водку и опий у инородцев рыбу купцы практически об-

рекали население Амура на вымирание. Нерешенным оставался вопрос снабжения жителей продовольствием. Не полагаясь на отчеты о состоянии дел с мест, В.К. Арсеньев сам в начале августа 1917 г. отправляется в низовья Амура для обследования жизненных условий коренного населения. По результатам этой поездки комиссару Временного правительства А.Н. Русанову были поданы две докладные записки от 12 августа 1917 г. В них речь шла о посещении островов Лангр, Чеуч, Уд, стойбища Чарбах и Пуэр (Пуир), где основное население составляли нивхи (в записях В.К. Арсеньева указаны как гиляки).

В.К. Арсеньев не понаслышке знал о состоянии дел на рыбопромыслах Лангра и отмечал, что рыбные богатства острова «издавня привлекали сюда стаи хищников» [9, с. 52], подразумевая под этим словом пришлых перекупщиков – осетин, корейцев и рыбопромышленников-арендаторов, с которыми ему и откомандированному с ним по его просьбе отряду бойцов Амурской минной роты из 40 человек пришлось даже вступить в вооруженный конфликт. Арсеньев описал те злоупотребления, которые явились причиной значительного ухудшения жизни коренного населения. Он констатировал, что, несмотря на существование официально оформленных договоров между рыбопромышленниками и нивхами, об их честном исполнении речи не шло, так как коренное население было неграмотным и на все вопросы комиссара о сделках, зафиксированных в договорах, люди отвечали: «Чорт его знает, хозяин сам писал» [9, с. 53]. Кроме договоров существовали расчетные книжки, в которых должны были фиксироваться цифры сданной рыбы, взятый в кредит нивхами инвентарь, продукты питания. Но записи в книжках велись небрежно. Арсеньев писал: «Часто нет указаний цен и полное отсутствие записей в получении рыбы» [9, с. 53]. За сданную рыбу выдавались ордера, но заполнялись они простым карандашом, часто исправлялись при помощи резинки, цифры прописью не записывались. Арсеньев заметил, что уже в момент перегрузки рыбы из лодок инородцев в лодки перекупщиков происходил обман первых, когда коренные жители не могли правильно посчитать перебрасываемую из лодки рыбу. Поэтому цифры в ордерах не соответствовали действительности. Рыбопромышленники старались обмануть нивхов в момент передачи им рыболовных снастей, так как те не

могли нигде узнать реальную стоимость неводо. Не знали инородцы и истинных расценок на товар.

Для повышения благосостояния коренного населения В.К. Арсеньев предложил конкретные меры, следить за реализацией которых должны были инородческие комиссары, назначенные во все стойбища. Им в обязанности вменялся надзор за исполнением договоров между рыбопромышленниками и инородцами, недопущение на промыслы «хищников» и спекулянтов (перекупщиков), наблюдение за торговлей и контроль за расчетами на местах промысла, ликвидация долговых отношений между ростовщиками и инородцами, а также определение точного количества рыбы для потребления инородческой семьей во время зимы и руководство ее заготовкой с целью недопущения продажи всего заготовленного объема. Важнейшим пунктом его плана была борьба с перекупщиками, для чего он предлагал установить на материковой части и островах, включая Сахалин, военные посты и отправить в устье Амура крейсер «Лейтенант Дыдымов» и два катера для осмотра корейских и японских шхун [9, с. 50–55]. Следует подчеркнуть, что часть пунктов из предложенного Арсеньевым плана была выполнена уже к 10 августа 1917 г. Это был его первый опыт работы в качестве представителя власти. Выполняя эту роль, он показал себя как человек государственного масштаба, которому небезразлична судьба коренного населения и состояние дел в рыбопромышленной отрасли края в целом.

В ноябре-декабре 1917 г. после того, как в Петрограде была провозглашена победа социалистической революции, власть в крае из рук комиссаров Временного правительства перешла в руки Совета народных комиссаров. Новой власти тоже требовались люди, которые хорошо знали местные условия, и уже в начале мая 1918 г. В.К. Арсеньев был приглашен Временным бюро по управлению Приморским переселенческим районом – преемником Переселенческого управления, учрежденного еще в 1896 г. Министерством внутренних дел царской России с целью упорядочивания переселенческого движения на Дальнем Востоке [15, с. 10–12; 10, с. 94–95]. Ему было предложено возглавить Камчатскую экспедицию для статистико-экономических исследований полуострова и определения пригодности для заселения малонаселенной долины р. Камчатки. Прика-

зом комиссара переселения Дальсовнаркома от 17 мая он был утвержден в этой должности. Но вслед за этим Арсеньев утверждается еще в одной должности – организатора земельного отдела на Камчатке и заведующего устройством переселенцев. В день прибытия в Петропавловск-Камчатский он провел совещание с областным Камчатским комитетом и представителями Завойкинского волостного комитета, ознакомив их с целями экспедиции. За время, проведенное на Камчатке, Арсеньев посетил 15 населенных пунктов. Им были составлены статистические ведомости, содержащие сведения о социально-экономическом положении жителей. Он обратил внимание, что земледелие, практиковавшееся на этой территории с середины XIX в., практически угасло, уступив место охотничьему промыслу. Здесь он увидел такое же отношение перекупщиков пушнины к иностранцам, какое наблюдал на Амуре, когда купцы ради наживы обирали и спаивали коренных жителей. Результатом экспедиции стало заключение о том, что земли от селения Мильково до Пушино пригодны для заселения, что говорило о выполнении тех задач, которые ставило перед В.К. Арсеньевым Переселенческое управление [11, с. 173–175; 13, с. 133].

Но как истинный исследователь и этнограф, В.К. Арсеньев не мог ограничиться только сбором данных о районе и его жителях. В протоколе заседания Общества изучения Амурского края № 22 от 13 марта 1919 г. говорилось, что после этой поездки исследователь представил доклад и продемонстрировал собранные им «у подножья Авачинской сопки и по р. Камчатке», а точнее – в долине р. Калахтырка и у с. Камачки, коллекции. Это были в основном каменные орудия (237 шт.), кухонные остатки (971 шт.), медвежьи кости (59 шт.). Были в коллекции и два черепа – мужской и женский, принадлежавшие ительменам (АХКМ. Ф. ХКМ. Оп. 1. Д. 786, Л. 22–28); [8, с. 14]. Эта экспедиция считалась успешной, так как ее участниками помимо статистических данных были собраны ценные этнографические и археологические материалы, но, к сожалению, дневники с ее описанием до сих пор не опубликованы.

После поездки на Камчатку В.К. Арсеньев остается во Владивостоке, где получает должность младшего инспектора рыболовства Управления рыбными и морскими звериными промыслами Дальнего Востока, а с 1919 г. – старшего инспектора (АХКМ. Ф. ХКМ. Оп. 1.

Д. 502. Л. 3–4). Приступив к своим обязанностям и проанализировав положение дел в отрасли, В.К. Арсеньев пришел к выводу о том, что сложившаяся в Колымском крае экономическая ситуация крайне тяжелая. Край с 1917 г. не получал ни продовольственных, ни промышленных товаров. Японские и американские промышленники беспрепятственно вывозили меха в свои страны, поощряя бесконтрольный убой морского зверя и спаивая коренных жителей. Управление рыбными промыслами предложило организовать экспедицию под руководством В.К. Арсеньева с целью пресечь иностранную контрабандную торговлю [11, с. 179], но в мае 1921 г. на Дальнем Востоке началась Гражданская война и этот план не был осуществлен. Однако, несмотря на произошедшие события, В.К. Арсеньев продолжал исполнять обязанности инспектора рыболовства Управления рыбными и морскими звериными промыслами Дальнего Востока и даже был назначен в 1921 г. заведующим Гижигинским промысловым районом Охотско-Камчатского края.

С окончанием в 1922 г. Гражданской войны и освобождением от интервентов Владивостока необходимо было восстанавливать подорванное войной хозяйство. Рыбная промышленность огромной территории была фактически уничтожена, а рыболовство в Охотско-Камчатском крае в 1921–1922 г. находилось в руках Японии. Согласно статистическим сведениям, практически 80% добытой в эти годы в российских тихоокеанских водах рыбы ушло в эту страну [14, с. 79]. На Колыме по-прежнему хозяйничали американские и японские промышленники.

В июне 1922 г. В.К. Арсеньев отправляется в очередную экспедицию на Камчатку. Управление рыбными и морскими звериными промыслами направляет В.К. Арсеньева в командировку, которая длилась четыре месяца, «для обследования Гижигинского района в статистическом, экономическом и промысловом отношении» (АХКМ. Ф. ХКМ. Оп. 1. Д. 502. Л. 4). Результаты этой поездки нашли отражение в работе «Гижигинский промысловый район (Физико-географическая характеристика. 1922 г.)».

В первой части работы дана подробная характеристика его природных условий – территориальных границ, климата, гидрографических особенностей, горных кряжей, лагун и рек, растительности, а также людей, населяющих эти земли. Арсеньев приводит имеющиеся на тот период данные статистики о том,

что в Гижигинском промысловом районе было зарегистрировано 5 500 инородцев, среди которых коряков – 4 400 чел., ламутов (эвенков) – 1 900 чел. и юкагигов – 200 чел. Количество ительменов не указывалось. Автор отмечал, что местное население кроме рыболовства больше никакими ремеслами, которые приносили бы дополнительный доход (например, бондарным, кузнечным, слесарным или гончарным), не владело, и сдача улова рыбопромышленникам являлась единственным их средством обеспечить свое существование.

Как инспектор по рыболовству Арсеньев прежде всего обратил внимание на тяжелые условия транспортировки рыбы в Пенжинском заливе – наличие больших лагун, затрудняющих швартовку кораблей для доставки и приемки грузов, отсутствие пресной воды на складах, куда производилась выгрузка. Он потребовал запретить вылов идущей на нерест рыбы в лагунах и устьях рек, который приводил к истощению ее запасов [1, с. 17–34].

Вторая часть его работы – это статистика состояния дел в экономической сфере. Арсеньевым были проанализированы данные хода и вылова лососевых (мальмы, кеты, горбуши). Так, согласно его записям, на р. Иреть было выловлено 20 350 шт., на р. Туманы – 85 000 шт., на р. На-яхан – 22 165 шт. и на р. Гижига – 99 290 шт. Вес выловленной рыбы колебался в пределах от 5,5 до 8,5 фунтов¹. При этом автор отмечал, что был существенный недолов лососевых и рыба была мелкой. В.К. Арсеньев назвал и другие породы, которые могли бы добываться, как и лососевые, в промышленном масштабе (сельдь, корюшка) [2, с. 17–18]. Им было дано описание транспортных средств (лодок и собачьих упряжек), перечислены пушные звери, составлявшие основу пушного промысла, охарактеризован промысел ластроногих и указаны их лежбища. В составленной Арсеньевым таблице приведены сравнительные данные о добытой в 1914 и 1922 гг. пушнине, которые показали значительное снижение показателей по отдельным позициям. Например, если в 1914 г. белки было добыто 123 400 шт., горносталя – 450 шт., белого песца – 170 шт., то в 1922 г. – 47 750, 380 и 22 шт. соответственно [2, с. 23]. Он выразил возмущение по поводу хищнических приемов охоты на морского зверя. Много места в статье отведено оленеводству – основному виду деятельности тунгусов (эвенков) и коряков. Эта отрасль стол-

кнулась с проблемой сохранения оленьего стада. Широкое распространение инфекционных болезней среди животных привело к значительному сокращению поголовья. В.К. Арсеньев привел данные о том, что в 1907 г. в Гижигинском районе было зарегистрировано около полумиллиона голов одомашненных оленей, а к 1922 г. их осталось 390 000. Причиной стали массовые падежи животных. Здесь он сравнил материальное положение оленеводов Аляски и Гижиги, опубликовав таблицу стоимости оленьего мяса, согласно которой за живого оленя на Аляске платили 150–200 р., а фунт мяса стоил 40–50 коп., в то время как в Гижигинском районе стоимость оленя составляла 15 руб., а фунт оленины – 5 коп. [2, с. 29].

Не была обойдена вниманием и торговая отрасль, отмечена деятельность частных компаний и товарообмен с коренными народами соседних территорий. Основными статьями торговли были рыба и мех, за которые люди получали продовольственные товары. Исследователь отмечал высокие расценки на меха (белка – от 50 коп. до 1 р., лисица чернубрая – 300–500 р., росомаха – 6–9 руб.), но при этом цены на продукты тоже были высоки: так, по его словам, за шкуру стоимостью 15 руб. коренной житель получал «три с половиной кирпича чая, что по нашей цене составляет не более 3 руб.» [2, с. 30]. По всем полученным данным В.К. Арсеньевым были составлены таблицы, которые сегодня являются важным источником информации для сравнительных исследований.

Всесторонне изучив вопрос, В.К. Арсеньев пришел к выводу о том, что Гижигинский район из-за своего географического положения имеет перспективу стать важным пунктом снабжения всего Колымского края продовольственными и другими необходимыми товарами. Он указал на ничтожную долю участия русских компаний в торговле на территории района по сравнению с американскими и японскими компаниями и отметил постепенное проникновение в район китайских торговцев. Он увидел, что и здесь, как и на Нижнем Амуре и Колыме, происходило спаивание инородческого населения. По словам В.К. Арсеньева, ни одна сделка в Охотско-Камчатском крае не обходилась без спирта: «в Гижигинском районе все торгуют спиртом: и японцы, и рыбопромышленники и, даже случайно заезжие лица». В статье звучит призыв остановить «безобразную торговлю спиртом,

¹ 1 русский фунт = 0,409 кг.

... не останавливаясь ни перед какими жестокими карами», ведь только такими мерами возможно «вести борьбу со спиртоносами и поднять культурный уровень туземного населения» [2, с. 33–34].

Несмотря на предоставление столь подробных сведений, В.К. Арсеньев с присущей ему скромностью писал, что не считает свою работу «безошибочной», и выражал надежду, «что в дальнейшем более тщательные исследования внесут в нее целый ряд поправок» [1, с. 17]. Представленные в статье оценки перспектив развития Гижигинского района, наиболее отдаленного и малонаселенного в Магаданской области, актуальны до сих пор. По-прежнему остро стоит вопрос сохранения и использования природных ресурсов края. Указанная работа В.К. Арсеньева впоследствии несколько раз перепечатывалась газетами Магаданской области, так как предложенные исследователем варианты решения насущных проблем Севера не утратили своего значения и сегодня. Кроме публикации по итогам экспедиции В.К. Арсеньев также прочел лекцию в клубе «Маяк» г. Владивостока, посвященную коренным жителям Гижиги и Камчатки.

Постановлением Дальревкома от 13 января 1923 г. было образовано Дальневосточное краевое управление рыболовства и охоты и государственной рыбной и пушной промышленности (Дальрыбохота). Через месяц, 10 февраля 1923 г., было утверждено положение об этой организации. В ее ведение передавались «рыбные, морские звериные и охотничьи промыслы», а также управление «государственной рыбной и пушной промышленностью на территории Приморской, Приамурской, Сахалинской и Камчатской губерний» с управлением во Владивостоке (Государственный архив Приморского края. Ф. Р-633. Оп. 2. Д. 35. Л. 2). Но уже 26 января 1923 г. начальником Дальрыбохоты Т.М. Борисовым был подписан приказ о том, что на старшего инспектора рыболовства В.К. Арсеньева «возлагается по отделению морских звериных промыслов и охоты заведование островами и морскими звериными промыслами Дальнего Востока» (Цит. по: [17]). И 9 февраля, еще до утверждения положения об этой организации, В.К. Арсеньев вступает в должность заведующего подотдела охраны и надзора рыболовства. При этом он продолжал исполнять обязанности заведующего этнографическим отделом музея Общества изучения Амурского края и

читал лекции на кафедре народоведения Государственного дальневосточного университета (г. Владивосток) (АХКМ. Ф. ХКМ. Оп. 1. Д. 502. Л. 4).

Проблемы морского зверобойного промысла были известны В.К. Арсеньеву еще со времен его экспедиции в Гижигинский промысловый район. В 1921 г. японская компания «Кухара» обратилась с предложением о продлении ее деятельности на Командорских островах на 10 лет. В.К. Арсеньев выступил с решительным протестом против этого, мотивируя отказ от сотрудничества с Японией в конвенциональных водах не только хищническим истреблением морских животных японскими зверопромышленниками, но и геополитическими интересами. В послесловии к избранным трудам исследователя В. Шевченко упомянул и о выступлении В.К. Арсеньева в январе 1923 г. на заседании комиссии Приморского губревкома с сообщением о попытке захвата острова Врангеля канадскими промышленниками. Власти оперативно отреагировали на это выступление, отправив на остров экспедицию под руководством гидрографа Б.В. Давыдова и в 1924 г. там был установлен флаг СССР [18, с. 595].

Приступив к исполнению своих обязанностей в Дальрыбохоте, В.К. Арсеньев и охотовед А.Д. Батулин составили сопровождаемый объяснительной запиской проект «Временного положения об условиях и порядке использования островов Дальнего Востока для промышленного звероводства», центральной темой которого стала охрана и восстановление численности морских животных с целью организации промышленного звероводства [11, с. 189]. В июне 1923 г. Арсеньев отправился на Командорские острова «для доставки жалования служащим и продовольствия, и предметов первой необходимости», так как еще в феврале исследователь обращал внимание Дальревкома на безотлагательность снабжения населения с началом навигации всем необходимым для жизни и промысловой деятельности (АХКМ. Ф. ХКМ. Оп. 1. Д. 502. Л. 4). Почти двухмесячная поездка на Камчатку и Командорские острова, редко посещаемые в то время чиновниками такого ранга, предоставила В.К. Арсеньеву материал для ряда работ, носивших аналитический характер, среди которых опубликованные «Командорские острова в 1923 г.», «Дельфиний промысел» и неопубликованные «Убой морского зверя», «Оленеводство в Охотско-Камчатском крае».

Несмотря на то, что по признанию самого автора, статья «Командорские острова в 1923 году» была «написана наспех», в ее основу легли материалы экспедиции, отчет исследователя за 1922 г., подготовленный для отдела морских и звериных промыслов Дальрыбохоты, и служебный отчет начальника Командорских островов Колтановского. В статье также были представлены рекомендации в количестве 21 пункта. Арсеньев не ограничился описанием географического положения островов, он представил краткий экскурс в историю их промышленного освоения, закончив его словами о том, что в 1917 г., по истечению всех заключенных промышленниками контрактов, местные жители «превратились в свободных граждан, у которых снова появилось убеждение, что они являются полными хозяевами островов и их промыслов» [3, с. 425]. Однако в начале 1920-х гг. положение коренного населения островов не улучшилось, а вследствие революционных событий и перехода власти из одних рук в другие только ухудшилось, наблюдалось обесценивание денежных знаков. В разделе статьи «Современное состояние островов» Арсеньев отметил царящую на Командорах «повсеместную разруху». Было нарушено снабжение островов продовольствием и предметами первой необходимости. Пришедшее во Владивостоке к власти белогвардейское правительство передало поставку продовольствия японской фирме «Нихон Моохи» в обмен на пушнину, что позволило той привезти негодный товар по завышенным расценкам. Новый договор, на этот раз – с российской фирмой «Бринер, Демби, Кушнарв», ситуации не улучшил: «доставленные этой фирмой товары были тоже плохого качества и расценки высоки» [3, с. 426]. На о. Медном люди голодали, их одежда пришла в негодность. В.К. Арсеньев привел данные о сокращении численности населения на островах. Если в 1913 г. здесь насчитывалось 516 жителей, то в 1923 г. их было уже 361, при этом значительно сократилась и средняя продолжительность жизни, составив 24,3 года для мужчин и 23,2 года для женщин [3, с. 429–430].

Хищническое истребление морского зверя в период Гражданской войны и бессистемное ведение хозяйственной деятельности имело отрицательные последствия. Уменьшение добычи морского котика привело к уменьшению поголовья песка, что сказалось на его добыче. Это

было отражено в составленной Арсеньевым таблице, согласно которой в 1909 г. было добыто 3 786 котиков и 722 песка, а в 1920 г. – 500 котиков и 252 песка. Им были приведены цифры оставшихся на островах особей. Он опубликовал показатели сокращения количества котиков по каждому острову: на о. Беринга – с 3 895 в 1919 г. до 3 642 в 1922 г.; на о. Медном – с 11 020 в 1919 г. до 10 315 в 1922 г. Наблюдалось и сокращение численности каланов. Это привело к упадку морского зверобойного промысла, о чем свидетельствовали цифры таблиц. Например, количество добытых на двух островах шкур котиков в 1920 г. составляло 818 шт., в 1921 – 31 шт., в 1922 – 76 шт. Аналогичная тенденция наблюдалась и в отношении добычи каланов, голубых и белых песцов [3, с. 451–456].

Брошенные властями на произвол судьбы алеуты, стараясь найти хоть какие-то средства к существованию, занимались тайным, по мнению В.К. Арсеньева, убоем животных, а фактически браконьерством, сдавая пушнину промышленникам за спирт и вещи. В поселках процветало пьянство. Упреком прозвучали слова о желании промышленников-алеутов избавиться от административного контроля. Одним из эффективных способов борьбы со спекулянтами и браконьерством Арсеньев назвал своевременное снабжение местного населения продовольственными и промышленными товарами [3, с. 440].

Много места в статье было уделено детям и их образованию. Отмечая их хорошие способности, укомплектованность школы оборудованием, Арсеньев с определенной долей сарказма говорил о том, что «школа мало принесла пользы населению», а дети, «находясь под влиянием взрослых», проявляли враждебность к русским. Рассуждая об ограниченности кругозора алеутских детей, Арсеньев забывал, что они жили в фактически оторванном от цивилизации мире, а в годы Гражданской войны люди находились в изоляции, не имея доступа к средствам связи. Он предложил учителям островов больше разговаривать с детьми, «заинтересовать играми, открыть мир детских развлечений, взамен времяпровождения на “танцульках”, где они, находясь среди пьяных до 2-х часов ночи, учатся неприличным островам и бывают свидетелями разврата» [3, с. 434].

Констатируя факт бедственного положения местного населения и суровые климатические условия, в которых жили алеуты, В.К. Арсеньев

в то же время обвинил их в лености, пьянстве, неразумном ведении хозяйства (отсутствии земледелия, нежелании заниматься разведением песцов для промысла, кормлении бесполезных, по его мнению, в хозяйстве собак), неправильном воспитании детей и т.д. Эти выводы он сделал, пробыв на островах всего четыре дня. Совершенно другого взгляда на поведение, характер и способности алеутов придерживался епископ Камчатский, Курильский и Алеутский митрополит Иннокентий (Вениаминов), проживший бок о бок с этими людьми почти 10 лет. Он восхищался такими их чертами характера, как, например, выносливость и способность терпеть невзгоды в течение продолжительного времени. Его уважение вызывали сила духа алеутов, неприхотливость в быту, отсутствие чувства зависти, умение идти к намеченной цели, восприимчивость ко всему новому, хорошая память, желание учиться, эмоциональность, любовь к детям, уважительное отношение к пожилым людям и т.д. [6, с. 12–66]. Здесь возможно возражение, что с момента написания труда митрополита Иннокентия прошло почти 100 лет и люди в изменившихся условиях жизни тоже могли измениться, но все-таки не до такой степени, какими они представлены в статье Арсеньева. В таком случае возникает вопрос: почему исследователь не заметил тех положительных качеств проживавших на Командорских островах жителей, которые были перечислены в произведении миссионера? Это можно объяснить лишь следующим обстоятельством: его основной целью была организация пушного промысла, приносящего постоянный доход государству. Он рассматривал Командорские острова с точки зрения чиновника, оценивая их полезность для экономики страны. Это трудно не заметить, читая выдвинутые им рекомендации: те, что затрагивают вопросы восстановления добычи пушнины, отличаются взвешенностью и желанием улучшить состояние дел на островах и в отрасли в целом (полный запрет на добычу котиков, назначение на острова чиновника, который заведовал бы только промыслами, не совмещая при этом административную работу, определение цены на сданную продукцию ежегодно в зависимости от количества запланированного к убою зверя, строительство специального помещения для хранения пушнины, ведение решительной борьбы с «хищниками» – японцами и браконьерами-алеутами посредством обеспечения начальника промыслов

огнестрельным оружием, обеспечение радиостанцией и телефонной связью поселков и др.). Те же рекомендации, которые касаются местного населения, взвешенными назвать нельзя (здесь стоит упомянуть предложения рассматривать алеутов как служащих Дальрыбохоты и выдавать им продукты питания и предметы первой необходимости только за выполненную работу, выселить все признанное излишним население с островов на Камчатку, а оставшееся после выехавших жилье использовать на ремонт других зданий, уничтожить всех собак, содержание которых обходилось дорого, и заменить их другими рабочими животными, и т.д.) [3, с. 458–464]. Взятые впоследствии на вооружение в период хрущевской оттепели, они имели негативные последствия для малонаселенных территорий Дальнего Востока. В результате политики укрупнения с карты дальневосточных территорий и, в частности, Командорских островов и Нижнего Амура, исчезли как перспективные многовековые поселения представителей коренных народов.

Однако следует признать, что эта поездка все-таки имела большое значение для восстановления разрушенного хозяйства островов, на которых был установлен полный контроль государства за добываемыми ресурсами. Возвратившись из этой командировки, В.К. Арсеньев выступил на совещании подотдела рыболовства и охоты отдела народного хозяйства Приамурской губернии во Владивостоке с докладом «Морские звериные промыслы, принципы ведения пушного хозяйства на Командорских островах и сушевая охота на Дальнем Востоке».

Подводя итог обзора экспедиций В.К. Арсеньева в Северо-Восточную Азию в качестве государственного чиновника, следует отметить, что его рекомендации относительно решения насущных проблем местных жителей были реализованы еще при его жизни. Это касается, например, борьбы с неконтрольной торговлей спиртными напитками в местах компактного проживания коренных народов и скупкой за бесценок продукции у коренного населения, обеспечения людей необходимыми потребительскими товарами, упорядочивания рыболовного и пушного промысла и борьбы с браконьерством, решения проблем оленеводства, связи, транспортной доступности островных территорий, разделения административно-хозяйственных функций властных структур, пресечения несанкционированной деятельности иностран-

ных компаний в российских конвенциональных водах. Значение же других полученных в ходе данных экспедиций сведений было оценено позднее. Так, собранная и обобщенная В.К. Арсеньевым информация о северных и островных дальневосточных территориях, их природе, условиях жизни коренного населения, представленные им перспективы их хозяйственного использования и опубликованная часть научных статей со статистическими данными легли в основу положений о долгосрочном развитии северо-востока Азии. Эти материалы изучаются и цитируются в современных научных исследованиях. Работы В.К. Арсеньева, освещающие геополитические проблемы приграничных территорий Дальнего Востока, востребованы до сих пор. Например, в 2014 г. Комиссия ООН по границам континентального шельфа удовлетворила заявку о включении в состав континентального шельфа России анклава площадью 52 тыс. кв км, находящегося в срединной части Охотского моря, – о необходимости этой меры Арсеньев писал в своих работах еще в 1920-х гг. Были воплощены в жизнь и идеи исследователя о создании заповедников и полном запрете охотничьей деятельности на их территориях, а также о необходимости изучения флоры и фауны промысловых территорий. На Командорских островах был создан природный заповедник, и сегодня его часть получила статус национального парка – особо охраняемой территории. Он включен в международную программу ЮНЕСКО «Человек и биосфера». Экспедиции В.К. Арсеньева в Северо-Восточную Азию внесли значимый вклад в дело изучения этих территорий с точки зрения ресурсного и человеческого потенциала для их дальнейшего социально-экономического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньев В.К. Гижигинский промысловый район // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1925. № 5. С. 17–35.
2. Арсеньев В.К. Гижигинский промысловый район // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1925. № 6. С. 16–34.
3. Арсеньев В.К. Командорские острова в 1923 году // Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока. Владивосток: Госкнига, 1923. С. 58–70.
4. Бакланов П.Я., Мошков А.В. Ранние этапы формирования территориально-отраслевой структуры хозяйства Уссурийского края и вклад

В.К. Арсеньева в его развитие // Тихоокеанская география. 2022. № 3. С. 27–41.

5. Ермолин А.Б. Охотничье дело на Дальнем Востоке России в творческом наследии В.К. Арсеньева // Современные проблемы охотоведения: Материалы национальной конференции с международным участием, посвященной 70-летию охотоведческого образования в ИСХИ – Иркутском ГАУ (27–31 мая 2020 г.). Иркутск: Изд-во ИГАУ им. А.А. Ежевского, 2020. С. 37–41.

6. Иннокентий (Попов-Вениаминов И.Е.). Записки об островах Уналашкинского отдела, составленные И. Вениаминовым. Ч. 1–3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1840.

7. Люди рассвета: каталог коллекций народов Крайнего Северо-Востока из собрания ХКМ им. Н.И. Гродекова. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2017.

8. Николаев А.С. В.К. Арсеньев о Командорских островах // На перекрестке континентов: Материалы XXXI Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2014. С. 258–260.

9. Письма В.К. Арсеньева в защиту гиляцкого (нивхского) народа // Страны и народы Востока. Вып. XX. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 4. М.: Наука, 1979. С. 48–56.

10. Редчун В.М. К вопросу об особенностях переселенческой политики российского правительства на Дальнем Востоке во второй половине XIX в.: правовой аспект // Культура и наука Дальнего Востока. 2017. № 2. С. 82–98.

11. Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М.: Наука, 1985.

12. Татаренкова Н.А. «Выселить на Камчатку...» // Новая газета. 2017. 31 августа. URL: <https://novayagazeta-vlad.ru/405/istoriya/vyselit-na-kamchatku.html>

13. Троицкая Н.А. Комиссар Временного правительства на Дальнем Востоке: размышления над документами // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 4. С. 65–74.

14. Устюгова О.А. Влияние акцизной политики Временного Приамурского правительства (1921–1922 гг.) на развитие рыбопромышленности Приморья // Труды ИИАЭ ДВО РАН. Т. 19. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. С. 78–88.

15. Флеров В.С., Чернышова В.И. Введение // Дальсовнарком. 1917–1918 гг.: сборник доку-

ментов и материалов. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1969. С. 6–26.

16. Хисамутдинов А.А. Мне сопутствовала счастливая звезда... Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930). Владивосток: Дальнаука, 2005.

17. Хисамутдинов А.А. На Командоры // ДВГИ ДВО РАН. URL: <http://www.fegi.ru/primorye/science/khisam/arsen13.htm>

18. Шевченко В.С. Последний перевал. Послесловие // Арсеньев В.К. Избранные произведения: в 2-х т. Т. 2. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1997. С. 595–609.

REFERENCES

1. Arseniev, V.K., 1925. Gizhiginskii promyslovyi raion [Gizhiginsk district], *Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka*, no. 5, pp. 17–35. (in Russ.)

2. Arseniev, V.K., 1925. Gizhiginskii promyslovyi raion [Gizhiginsk district], *Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka*, no. 6, pp. 16–34. (in Russ.)

3. Arseniev, V.K., 1923. Komandorskie ostrova v 1923 godu [Commander Islands in 1923]. In: *Rybnye i pushnye bogatstva Dal'nego Vostoka*. Vladivostok: Goskniga, 1923, pp. 58–70. (in Russ.)

4. Baklanov, P.Ya. and Moshkov, A.V., 2022. Rannie etapy formirovaniya territorial'no-otraslevoi struktury khozyaistva Ussuriiskogo kraia i vklad V.K. Arsenieva v ego razvitie [The early stages of the formation of the territorial and sectoral structure of the economy of the Ussuri Region and the contribution of V.K. Arseniev to its development], *Tikhookeanskaya geografiya*, no. 3, pp. 27–41. (in Russ.)

5. Ermolin, A.B., 2020. Okhotnich'e delo na Dal'nem Vostoke Rossii v tvorcheskoy nasledii V.K. Arsenieva [Hunting in the Russian Far East in the works of V.K. Arseniev]. In: *Sovremennyye problemy okhotovedeniya: Materialy natsional'noi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 70-letiyu okhotovedcheskogo obrazovaniya v ISKhI – Irkutskom GAU (27–31 maya 2020 g.)*. Irkutsk: Izd-vo IGAU im. A.A. Ezhevskogo, 2020, pp. 37–41. (in Russ.)

6. Innokentii (Popov-Veniaminov I.E.), 1840. Zapiski ob ostrovakh Unalashkinskogo otdela, sostavlennyye I. Veniaminovym. Ch. 1–3 [Notes on the Islands of the Unalaska District. Parts 1–3]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. (in Russ.)

7. Lyudi rassveta: katalog kollektzii narodov Krainego Severo-Vostoka iz sobraniya KhKM im. N.I. Grodekova [Peoples of the dawn: catalog of the collections of the peoples of the Far Northeast from the Grodekov Regional Museum in Khabarovsk]. Khabarovsk: Khabarovskaya kraevaya tipografiya, 2017. (in Russ.)

8. Nikolaev, A.S., 2014. V.K. Arseniev o Komandorskikh ostrovakh [V.K. Arseniev's notes about the Commander Islands]. In: *Na perekrestke kontinentov: Materialy XXXI Krashe-ninnikovskikh chtenii*. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2014, pp. 258–260. (in Russ.)

9. Pis'ma V.K. Arsenieva v zashchitu gilyatskogo (nivkhskogo) naroda [The letters of Vladimir Arseniev in defense of the Gilyak (Nivkh) people]. In: *Strany i narody Vostoka*. T. XX. Strany i narody basseina Tikhogo okeana. Ch. 4. Moskva: Nauka, 1979, pp. 48–56. (in Russ.)

10. Redchun, V.M., 2017. K voprosu ob osobennostyakh pereselencheskoi politiki Rossiiskogo pravitel'stva na Dal'nem Vostoke vo vtoroi polovine XIX v.: pravovoi aspekt [The features of the resettlement policy of the Russian government in the Far East in the second half of the 19th century: legal aspect], *Kul'tura i nauka Dal'nego Vostoka*, no. 2, pp. 82–98. (in Russ.)

11. Tarasova, A.I., 1985. Vladimir Klavdievich Arseniev [Vladimir Klavdievich Arseniev]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

12. Tatarenkova, N.A., 2017. «Vyselit' na Kamchatku...» [«Evict to Kamchatka...»]. URL: <https://novayagazeta-vlad.ru/405/istoriya/vyselit-na-kamchatku.html> (in Russ.)

13. Troitskaya, N.A., 2017. Komissar Vremennogo pravitel'stva na Dal'nem Vostoke: razmyshleniya nad dokumentami [The commissar of the Provisional Government in the Russian Far East: reflections on the archival documents], *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 4, pp. 65–74. (in Russ.)

14. Ustyugova, O.A., 2018. Vliyanie aktsiznoi politiki Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva (1921–1922 gg.) na razvitie rybopromyshlennosti Primor'ya [The influence of the excise policy of the Provisional Priamurye Government (1921–1922) on the development of the fishing industry in Primorye]. In: *Trudy IIAE DVO RAN*. T. 19. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2018, pp. 78–88. (in Russ.)

15. Flerov, V.S. and Chernyshova, V.I., 1969. Vvedenie [Foreword]. In: *Dal'sovnarkom*. 1917–

1918 gg.: sbornik dokumentov i materialov. Khabarovsk: Khabarovskoe kn. izd-vo, 1969, pp. 6–26. (in Russ.)

16. Khisamutdinov, A.A., 2005. Mne soputstvovala shchastlivaya zvezda... Vladimir Klavdievich Arseniev (1872–1930) [«I was led by a lucky star... Vladimir Klavdievich Arseniev (1872–1930)]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)

17. Khisamutdinov, A.A. Na Komandory [To the Commander Islands]. URL: <http://www.fegi.ru/primorye/science/khisam/arsen13.htm> (in Russ.)

18. Shevchenko, V.S., 1997. Poslednii pereval. Posleslovie [The last pass. Afterword]. In: Arseniev, V.K., 1997. Izbrannye proizvedeniia: v 2-kh t. T. 2. Khabarovsk: Khabarovskoe kn. izd-vo, pp. 595–609. (in Russ.)

